

Сергей Прокофьев в органном классе Якова Гандшина

*Исследование жизни Прокофьева —
увлекательнейшее занятие!*

Всем хорошо известно, что выдающийся русский композитор Сергей Сергеевич Прокофьев (фото 1) обучался в Петербургской консерватории по трем специальностям: теории композиции, фортепиано и дирижированию. За десятилетие с 1904 по 1914 годы Прокофьев имел возможность общаться с крупнейшими представителями русской музыкальной культуры своего времени: А.К. Лядовым, Н.А. Римским-Корсаковым, Н.Н. Черепниным, А.Н. Есиповой и другими. Мало известен факт, что в 1915/1916 учебном году Прокофьев неожиданно вновь стал учеником консерватории: он поступил в класс игры на органе Якова Яковлевича Гандшина.

Творческий облик Сергея Прокофьева в нашем представлении мало связывается с органом и органной музыкой. В его наследии нет сочинений для органа или с участием этого инструмента. Великий русский композитор широко известен как пианист и дирижер, но трудно представить себе Прокофьева-органиста. Его обучение на органном отделении Петербургской консерватории очень мало освещалось в литературе. Из биографов композитора этот факт упоминает только И.В. Нестьев. Ссылаясь на эпистолярные источники, Нестьев в небольшом абзаце говорит о том, что целью поступления в класс игры на органе для него было получение отсрочки от армии. В доказательство приводится фрагмент письма Прокофьева к Е. Звягинцевой от 11 сентября 1915 года: *«Будучи учеником консерватории по классу органа, я имею трехлетнюю отсрочку и спокойно занимаюсь развитием ножной техники, изучением применения регистров и пр.»* [5, 128]. О том, что Прокофьев учился играть на органе, пишет также Ю.Н. Тюлин в небольшой статье, посвященной юности композитора [8].

В 1914 году, в связи со вступлением России в первую мировую войну, началась срочная мобилизация. Тревожные мысли о возможном призыве становятся лейтмотивом в дневнике Прокофьева. С горькой шуткой он обсуждает их с бывшими соучениками по дирижерскому классу в консерватории: *«Сведения о при-*

зыве ратников второго разряда совсем не радовали меня. Дранишников, Гаук и я порядочно рассуждали на эту тему. Говорили, что если возьмут, то только для охраны пленных и мостов, а на военный театр все равно не пошлют. Я шутил, что наоборот, такую шваль, как второе ополчение, будут посылать при взятии крепостей вперед, чтобы мы засыпали рвы, а порядочные солдаты шли по нам на приступ» [6, 521]. Юный гений твердо знал, что его призвание — искусство, и 5 ноября 1914 года он записал в дневнике: *«Не могут ли меня освободить от ружья на том основании, что в мире искусств я гораздо больше наслужу Родине, чем в казарме?»* [6, 521]. 27 ноября, обеспокоенный слухами о скором призыве, Прокофьев идет к Черепнину за советом, о чем тоже известно из дневника: *«Пошел в Консерваторию позондировать почву у Черепнина относительно того, какие мне могут быть предоставлены льготы за мои музыкальные заслуги на случай призыва. Черепнин очень встревожился, стал убеждать меня, чтобы я устраивался в Петрограде».* 29 ноября, два дня спустя после этого разговора с Черепниным, в дневнике появляется новое лицо — преподаватель органа Я.Я. Гандшин. О встрече с ним записано: *«Гандшин играл мне на органе и показывал его особенности. Ему очень хочется, чтобы я написал что-нибудь для органа с роялем¹. Этого вида музыки нет в литературе, а между тем может выйти интересно»* [6, 530]. В дневнике не указано, была ли это случайная

Фото 1. Сергей Прокофьев. 1915 год

встреча или запланированная заранее, но важно то, что речь шла о сочинении для органа.

Обращение Сергея Прокофьева к органной музыке произошло гораздо раньше его встречи с Гандшиным. Еще в 1910 году, выбирая полифоническую пьесу для экзамена по фортепиано, Прокофьев по совету С.И. Танеева сделал переложение органной фуги ля-минор Букстехуде. В 1913 году в дирижерском классе Прокофьев участвовал в исполнении органной музыки других старинных мастеров: в учебной программе класса были «Пассакалья» И.С. Баха и Органный концерт Г.Ф. Генделя. *«Я с большим удовольствием*

¹ Я.Я. Гандшин обращался с подобной просьбой ко многим русским композиторам. На его призыв откликнулись С.М. Ляпунов, И.И. Витоль и И.И. Крыжановский, В.Г. Каратыгин и Л.В. Николаев. Студент Прокофьев не написал органной пьесы по просьбе Гандшина [4].

занимаюсь “стариками”», — писал он в своем дневнике об этой музыке [6, 362]. 6 ноября 1913 года Черепнин сообщил оркестрантам о том, что эти произведения включены в программу предстоящего концерта. Прокофьев особенно заинтересовался звучанием органа в «Пассакалии». В дневнике читаем: «<...> “Пассакалья” будет исполняться вместе с органом, на котором будет играть ученик органного класса по оригинальному изложению. Это страшно любопытно» [6, 370]. Концерт вскоре был отменен, но до его отмены музыканты успели провести одну совместную репетицию, которая состоялась 9 ноября. Возможно, что именно на этой репетиции юный композитор познакомился с Гандшиным, который сам играл партию органа вместо своего ученика. О репетиции оркестра с органом сделана запись в дневнике: «Началось “Пассакалей” Баха, которую играл малый оркестр и которую мы готовили к ученическому вечеру в конце ноября. Пришел профессор органа и мы повторили “Пассакалью” вместе с органом. Впрочем, играл он на органе *piano*, без регистров, и никакого грандиозного впечатления не получилось» [6, 372].

Итак, осенью 1915 года Сергей Прокофьев стал учеником класса игры на органе. Прояснить обстоятельства его поступления в класс Гандшина могли бы его дневниковые записи, предшествующие вступительным экзаменам, но, к сожалению, именно в это время (с августа 1915 года) ведение прокофьевского дневника временно прекращается. Некоторые сведения об интересующих нас событиях удалось обнаружить при изучении учебной документации Петербургской консерватории. В подшивке экзаменационных листов поступающих в консерваторию в 1915/1916 учебном году сохранился лист абитуриента Сергея Прокофьева². Даты проведения экзамена в этом документе нет, указан лишь месяц август как срок подачи прошения о поступлении. Информация о приеме Прокофьева заключена в следующих строках: «Условия приема: принят», «К кому в класс: Ганшин»³, «Подписи экзаменующих: Н. Лавров». В листке не заполнены строки ни по общим музыкальным способностям Прокофьева, ни по специальному предмету. К экзаменационному листку Сергея Прокофьева приложена визитная карточка Я.Я. Гандшина, на обороте которой он сообщает о своем согласии принять его в свой класс и указывает дату заполнения визитки: «Принимаю г-а С. Прокофьева учеником в органный класс. Я. Гандшин. 28-го авг. 1915 г.». Возможно, что вступительный экзамен проходил именно в этот день (или ближайшие предшествующие дни), и ограничился устным собеседованием

Концерты А. Зилоти.

МАРИИНСКИЙ ТЕАТРЪ

Въ Субботу, 7-го Января 1917 г.

6-й АБОНЕМЕНТНЫЙ КОНЦЕРТЪ.

ПРОГРАММА:

1. Концертъ для струн. орк. (ля-мин.) . *Вивальди*.
2. «Ночь», поэма (симфонія № 3) для оркестра, соло и хора, соч. 27, въ 1-й разъ *К. С. Шимановскаго*.
Соло: *А. Д. Александровичъ*.
3. «Братское поминовение героевъ союзныхъ армій, павшихъ въ великую войну за освобождение отъ тевтонскаго гнета», кантата для хора, соло и оркестра, въ 1-й разъ *А. Д. Кастальскаго*.

Органъ: *Я. Я. Гандшинъ*.

Хоръ (въ полномъ составѣ) ИМПЕРАТОРСКОЙ Русской оперы.

Органъ и піанино изъ депо Лембергъ, Лекае и Ко, Морская. 34.

Въ Пятницу, 6 Января, ровно въ 2 ч. дня, въ Маринскомъ Театрѣ, платная генеральная репетиція. Весь сборъ поступитъ въ пользу кассы взаимопомощи Хора Императорской Русской оперы. Билеты (военный налогъ включень) въ 50 коп., 1 руб. и 1 руб. 50 коп. продаются въ главной кассѣ Маринскаго Театра.

Фото 2. Афиша из фондов Музея истории Санкт-Петербургской консерватории

Сергея Прокофьева с дирекцией консерватории и Гандшиным.

Новый учитель Сергея Прокофьева, Яков Яковлевич (Жак) Гандшин (1886–1955) был незаурядной личностью. Швейцарец по происхождению, он родился в Москве, а музыкальное образование получил в Европе. Игре на органе он учился у знаменитого немецкого композитора и органиста Макса Регера, творчеством которого Прокофьев увлекался во второй половине 1900-х годов; другими учителями Гандшина были К. Штраубе и Ш.М. Видор. В 1907 году в Петербурге началась карьера Гандшина-органиста (фото 2), а в 1909 году он стал преподавателем Петербургской консерватории по классу органа. С середины 1910-х годов Гандшин начал работать также

² ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 6. Д. 26. Л. 1018.

³ В фамилии Гандшина пропущена одна буква.

Фото 3. Небольшой учебный орган фирмы Вильгельма Зауэра. Из фондов Музея истории Санкт-Петербургской консерватории

над музыкально-исследовательскими трудами, изучая главным образом вопросы истории органа и старинной музыки. Деятельность Гандшина оказала большое влияние на развитие органной культуры в России [см.: 1; 3; 4; 5; 7].

Класс игры на органе — один из старейших классов Петербургской консерватории. В первые десятилетия его существования в консерватории еще не было своего органа, и ученики органного класса, в том числе П.И. Чайковский и Г.А. Ларош, занимались в церкви св. Петра на Невском проспекте, где служил их учитель Генрих Штиль. Ко времени обучения в классе органа Сергея Прокофьева консерватория уже имела два своих органа: в органном классе и в Малом зале.

Орган Малого зала консерватории, установленный в 1897 году, был малоудачным инструментом немецкой фирмы Валькер, вызывавшим множество нареканий. Приведем для примера один из отзывов об этом органе, сделанный в 1900-м году выпускником органного класса Г.А. Ларошем: «Орган не может ни звучать как следует, ни принимать участие в больших вокально-инструментальных сочинениях, то-есть там, где ему быть должно. Это беда непоправимая. <...> Полный орган давит своей массой и раздражает крикливостью регистров, рассчитанных на обширные помещения» [2, 42]. Тем не менее, именно этот инструмент служил концертным органом, на котором проводились органные вечера. Сергей Прокофьев не участвовал в ученических концертах, но на органе в Малом зале играть пробовал. Вероятно, звучание большого органа не произвело на него должного впечатления. Важней был сам факт допуска к концертному инструменту. О первой пробе органа Прокофьев пишет в дневнике в скобках, без комментариев и отзывов: «Гандшин перенес занятия на день (зато он в первый раз допустил до большого органа, в Малом зале)» [6, 596].

Второй, небольшой орган фирмы Вильгельма Зауэра (фото 3), был установлен в помещении органного класса консерватории (который, вероятно, с тех лет не переезжал) в 1884 году. Звучание этого инстру-

мента отличалось полнотой и мягкостью, певучестью, своеобразной «бархатистостью» [2, 36]. В классе № 38 проходили уроки с Гандшиным и самостоятельные занятия учеников. В их числе был и будущий великий композитор.

Судя по записям в дневнике (январь 1916 года, полгода спустя после зачисления), Прокофьев не столько думал об академических успехах, сколько находил другой смысл в занятиях на органе. В записи от 3 января он пишет: «Я повторяю для моего салонного репертуара два этюда Шопена. Ясно, что занятия с органом (именно: возня с аппликатурой) развили мои четвертый и пятый пальцы, так что 2-й этюд Шопена вдруг пошел с неожиданной беглостью» [6, 576].

Для самостоятельных занятий органным репертуаром Прокофьев имел возможность заниматься не

только на учебном органе в консерватории, но и дома, на рояле. По свидетельству профессора Ю.Н. Тюлина, бывшего выпускника Петербургской консерватории и очевидца описываемых событий, Сергей Прокофьев приспособил к своему роялю специальную ножную клавиатуру, имитирующую педальную клавиатуру органа. В воспоминаниях о композиторе Тюлин пишет: «После окончания консерватории по дирижированию Прокофьев поступил в класс органа профессора Я.Я. Гандшина (об этом мало знают). И немедленно оказалось, что у него дома рояль переоборудован: поставлен на возвышение и снабжен ножной клавиатурой. Я не знаю, существует ли еще где-нибудь подобное изобретение» [8, 9]. Приспособление ножной клавиатуры к роялю не было изобретением самого Сергея Прокофьева. Вот строки к Элеоноре Дамской из письма, написанного на следующий день после приема в класс органа: «Гандшин уже задал мне трехголосные инвенции и посоветовал взять <...> напрокат ножную клавиатуру» [5, 128].

Из записей Прокофьева можно сделать вывод, что его интерес к обучению в классе игры на органе довольно скоро ослабел. В его дневнике встречаются такие строки: «Занятия у Гандшина я проспал» [6, 583], «От Гандшина я постарался уйти как можно скорее, чтобы быть свободным и ехать с Мариночкой в Павловск» [6, 610]. Гандшин относился к своему делу с большим энтузиазмом, и из-за небрежности Прокофьева у него копилось недовольство. В конце января 1916 года Прокофьев пишет в дневнике о полученном замечании от Гандшина: «Гандшин предупредил меня, что весной у меня будет огромный экзамен. Пикантно. Затем он сделал вроде замечания, сказав, что не желал бы, чтобы я без особой причины пропускал уроки» [6, 584].

Обещанный весенний экзамен состоялся 10 мая 1916 года. Гандшин не считал Прокофьева готовым к публичному выступлению — он сдавал закрытый поверочный экзамен. «Десятого мая был мой орган-ный экзамен, — пишет он в дневнике, — к которому я честно выучил четырехголосную фугу Баха с темой,

переходившей даже в ножной клавир. Экзамен проходил в нашем органном классе и носил закрытый характер. Судили Глазунов, Витоль и мой враг Петров. Гандшин проявлял много деятельности и был одет в длинный сюртук. Я играл не без бойкости, хотя ногами кое-что смазал, а руками спутал клавиатуры. Глазунов, в ремарке о каждом ученике, написал мне: «в ногах были недопадания (или какое-то вроде этого мудреное слово), а руки играли хорошо» [6, 613]. Об оценке за исполнение фуги Баха Прокофьев не упоминает.

Документ, который процитирован в дневнике Сергея Прокофьева, был обнаружен нами в фонде Петербургской консерватории в книге экзаменов за 1915/1916 учебный год. В «Списке председателя экзаменационной комиссии учащихся специального класса органа Старшего Преподавателя Гандшина» Сергей Прокофьев числится одним из девятнадцати учеников. На титульном листе списка указана дата публичного экзамена: 26 марта 1916 года. Здесь же названы фамилии экзаменаторов: «Председатель Директор Консерватории: Засл. Проф. Глазунов. Члены комиссии: Проф. Витоль, Петров, Черепнин»⁴. Прокофьев не играл в публичном экзамене, но его фамилия записана в этот же список.

В графах напротив фамилии Прокофьева сделаны записи. В графе «Обязательные предметы. В каких классах и курсах находится и какие предметы окончил» отмечено: «Своб. худ.» («Свободный художник»). Дальше следуют «Экзаменационная отметка и примечания г. Директора», сделанные А.К. Глазуновым: «Пов. экз. 10 мая. В педалях встречались недопадания. Руки играли хорошо. 31/2 [подпись Глазунова]». Последняя графа — «Годичная отметка преподающего» — заполнена Гандшиным: «3» [подпись Гандшина]⁵.

Гандшин был исключительно строг к своим ученикам и занижал им оценки сравнительно с оценками Глазунова на балл или полбалла. Из девятнадцати учеников никто не заслужил отличной отметки за год, лишь один ученик (Николай Ванадзин) получил 4 с половиной, причем половина заключена в скобки. Шести ученикам был написан отказ от их обучения в классе. Таким образом, прокофьевская «тройка» была средней оценкой ученика класса Гандшина.

На следующий год Сергей Прокофьев разделил судьбу шести отчисленных учеников. Гандшин сообщил ему об этом в конце первого полугодия. 24 декабря 1916 года в дневнике записано: «В Консерватории я очень неплохо сыграл Гандшину органные фуги Баха, которые за болезнь изрядно подучил. Вообще я продвинулся. Но сей швейцарский формалист заявил, что я весной все же не смогу кончить курс, а потому, согласно уговора, я должен покинуть Консерваторию. Это меня разозлило <...>» [6, 628]. В приведенном отрывке дневника упомянут некий договор между Прокофьевым и Гандшиным (возможно, и другим лицом, представляющим консерваторию). Выяснить подробности этого договора пока не удалось, но в прокофьевском дневнике имеется еще одна запись, которая несколько проясняет предмет договореннос-

ти. 19 апреля 1916 года, то есть в конце первого года обучения в классе органа, он пишет: «Пошел на урок к Гандшину. Надо подтянуться и попробовать кончить хотя бы на аттестат в будущем году, а то студентов уже начали привлекать в войска, так могут и меня осенью стяпать» [6, 610].

Из этих слов ясно, что для сохранения отсрочки от армии, студент должен был проявлять усердие и в течение следующего учебного года делать успехи, достаточные для окончания консерватории. На самом же деле вышло так, что педагог по органу, Я. Гандшин, нашел успехи своего ученика недостаточными и сообщил ему об этом, не дожидаясь весенних экзаменов.

Мы не знаем точно, как скоро после заявления Гандшина Сергей Прокофьев перестал посещать класс органа. В дневнике композитора, после записи от 24 декабря 1916 года ни Гандшин, ни органный класс не упоминаются, зато у него вновь появляются хлопоты об отсрочке.

В учебной документации Петербургской консерватории не было обнаружено никаких свидетельств, прямо подтверждающих исключение Сергея Прокофьева из числа ее учеников в середине учебного года. Точно известно лишь то, что Прокофьев не получил ни диплома, ни аттестата об окончании органного класса. В отчетах РМО за 1916/1917 учебный год в списках выпускников по органному классу значится лишь один ученик, удостоенный аттестата — и это не Прокофьев.

Обучение Сергея Прокофьева в классе игры на органе — факт, конечно, более скромный, чем его обучение в других классах Петербургской консерватории. Тем не менее, эти полтора года, проведенные Прокофьевым в консерватории, имели для него значение не только как отсрочка от армии. В органном классе Прокофьев смог прикоснуться к старинному инструменту, познакомиться с органной литературой. В течение полутора лет он вновь был связан с Alma mater и общался с таким крупным музыкантом, как Яков Яковлевич Гандшин. Эта страница биографии Сергея Сергеевича Прокофьева открывает нам новую грань его необыкновенной творческой личности.

Список литературы

1. **Гандшин Ж.** Из истории органа в России // Органное искусство: Сб. ст. — Вып. 3. — М.—СПб, 1996.
2. **Зарецкий Д.Ф., Кравчун П.Н., Панов А.А.** Органы Санкт-Петербургской консерватории // Органное искусство: сб.ст. — Вып. 4. — М.—СПб, 1997.
3. **Князева Ж.В.** Концерты органной музыки в Петербурге во второй половине XIX — начале XX века: Автореф. дис... канд. иск. — СПб, 1994.
4. **Минкина О.П.** Русская музыка для органа. — СПб, 1997.
5. **Нестьев И.В.** Жизнь Сергея Прокофьева. — Изд. 2-е. — М., 1973.
6. **Прокофьев С.С.** Дневник. — Т. 1. — Париж, 2002.
7. **Ройзман Л.И.** Орган в истории русской музыкальной культуры. — М., 1979.
8. **Тюлин Ю.Н.** На пути к признанию. Страницы воспоминаний // Музыкальная жизнь. — М., 1966. — № 8. — С. 9–10.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 8. Д. 120. Л.337: Экзамены 1915/1916 уч. года.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 8. Д. 120. Лл.339 об.—340: Экзамены 1915/1916 уч. года.